

ИНСТИТУТ НАЕМНИЧЕСТВА В КОНФЛИКТАХ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Максим КУЧЕРОВ
МГИМО МИД России

Аннотация: В последние годы в теории и практике международных отношений наблюдается ренессанс интереса к теме наемничества и деятельности частных военных компаний (ЧВК), что связано преимущественно с изменившимся характером применения государством военной силы в международных делах. Настоящая работа призвана ответить на вопрос о причинах использования наемной военной силы государствами на международной арене. Автор исходит из гипотезы о том, что фундаментальные причины сотрудничества заказчика и наемника остаются неизменными с древних времен и не подвержены переменам, происходящим как внутри государств, так в международной системе. Эти причины происходят из несовершенства военного аппарата, которые в статье именуются «изъятиями». Автор выделяет три уровня подобных изъянов: политический, организационный и исполнительный. Политический уровень представляет риски, связанные с использованием военной силы, для лица, принимающего решения. Для хеджирования подобных рисков применяется наемная военная сила. Проблемы организационного уровня проявляются в различных особенностях подготовки силовой операции и часто связаны с ограниченностью или неповоротливостью бюрократического аппарата. Преимуществом частного подрядчика здесь является большая гибкость. Проблемы исполнительного уровня происходят из неэффективности вооруженных сил в выполнении конкретных боевых задач. Наемники часто обладают уникальными навыками и внедряют инновации быстрее, чем государственный сектор. Несмотря на то, что более конкретные причины использования наемной военной силы могут зависеть от особенностей исторического периода и политической системы, обозначенная трехуровневая классификация изъянов применима как на всем временном промежутке, так и в подавляющем большинстве сфер, включая киберпространство.

Ключевые слова: наемник, наемничество, заказчик, ЧВК, частный военный подрядчик, хеджирование политических рисков, снабжение, изъяны военного механизма, регулярная армия, передача на внешнее исполнение

Максим Андреевич Кучеров – аналитик Центра перспективных американских исследований, Институт международных исследований, МГИМО МИД России.
ORCID: 0009-0008-3373-1682 E-mail: kucherov_m_a@my.mgimo.ru
119454, Москва, Проспект Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 18.01.2024

Принята к публикации: 05.02.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Введение

Понятие наемник почти такое же древнее, как две его основных составляющие: война и деньги. Институт передачи военной силы «на аутсорс», т.е. внешним исполнителям – явление в мировой истории далеко не новое, однако в последнее время его популярность заметно возросла. Аббревиатура ЧВК прочно закрепилась в общественном¹ и даже научном дискурсе (Курьев, Мартыненко, Пархитко, Станис, 2017), что сопровождается рассуждениями о сути института наемничества и его роли в современных конфликтах. Главными вопросами являются причина существования этого института в современном мире и его возрастающая популярность. Некоторые исследователи связывают это с размытием Вестфальской системы (Mcfate, 2014), другие указывают на вакуумы силы, образовавшиеся после окончания холодной войны (Brayton, 2002).

Тема использования наемников представляется комплексной задачей, что в свою очередь открывает возможности для методологического разнообразия в ее изучении. Актуальные западные исследования все чаще предпочитают рассматривать институт наемничества с точки зрения спроса, то есть с позиции заказчика. В подобных работах наемники рассматриваются через те функции-образы, в которых они выступают в современных конфликтах (Østensen, 2022). В основном это «ведение опосредованной войны», действия в т.н. серой зоне, «экспорт безопасности». Подобный подход представляется интересным, однако рассмотрение форм, которые может приобретать использование наемников в современных конфликтах, лишь отчасти позволяет понять причины, побуждающие субъекты политики передать силу «на аутсорс». Для создания более полной картины следует обратиться к самим причинам использования наемной военной силы, а также охватить более широкий исторический контекст. Уязвимость подобного подхода перед критикой в том, что он затрагивает несколько спорных тем, давно существующих в контексте исследования института наемничества.

В частности, несмотря на то, что наемники давно заняли свое место в мировой истории, обстоятельства, условия и масштабы их использования разнятся. К тому же история знает как периоды расцвета наемничества (позднее Средневековье), так и времена его упадка (XVIII–XIX века). Неудивительно, что одной из тем феномена наемничества, которая традиционно вызывает острую полемику, является тема исторической преемственности этого института: являются ли современные ЧВК продолжателями дела кондотьеров и других наемников прошлого, как это утверждают такие исследователи, как Питер Уоррен Сингер (Singer, 2003), или они порождены особенностями современной политической системы, как это видят исследователи вроде Ульриха

¹ Путин заявил, что ЧВК «Вагнер» юридически не существует. 14.07.2023. РБК. Режим доступа: <https://ria.ru/20230714/vagner-1884095299.html> (дата обращения: 21.07.2023)

Питерсона (Petersohn, 2011)? Между тем этот вопрос является крайне важным для понимания причин передачи военной силы на внешнее исполнение. Ответ на него, однако, приходит сам во время исследования проблемы. Во-первых, было бы не совсем корректно полагать современную эпоху особенной в контексте тысячелетней истории наемничества. Субъекты международных отношений никогда не переставали заниматься военным аутсорсингом, хотя иногда это и принимало неочевидные формы. Во-вторых, существует возможность провести множество исторических параллелей, которые продемонстрируют, что базово необходимость в наемной военной силе не зависит от исторического периода и особенностей мирового порядка.

Данная статья призвана ответить на вопрос, почему политические акторы прибегают к услугам частных военных подрядчиков? Гипотезой исследования является предположение о том, что на внешнее исполнение передаются конкретные задачи, с которыми военный аппарат по тем или иным причинам не справляется достаточно эффективно. Эта причина находится вне временного и политического контекста, что можно показать, проведя ретроспективу использования наемной военной силы. Однако следует уточнить понятийный аппарат данной темы, прежде чем переходить к разбору причин использования наемников.

Их наемники – наши добровольцы

Любое исследование темы наемничества неизбежно наталкивается на вопрос: кого следует считать наемником? Проблема состоит в том, что по причине высокой политизации темы не представляется возможным дать ответ, который удовлетворил бы все потенциально заинтересованные стороны. Как правило, дискуссии на этот счет сводятся к дихотомической формуле: «их наемники – наши добровольцы». Красочным историческим примером здесь могут служить гессенские полки XVIII века, которые даже удостоились упоминания в Декларации о независимости США, хотя и не в позитивном ключе:

«Он (прим. король Георг III) в настоящий момент посылает к нам большую армию иностранных наемников с тем, чтобы окончательно посеять у нас смерть, разорение и установить тиранию, которые уже нашли свое выражение в фактах жестокости и вероломства, какие едва ли имели место даже в самые варварские времена и абсолютно недостойны для главы цивилизованной нации»².

Некоторые американские историки, такие как Чарльз Инграо (Ingrao, 2003) и Алан Аксельрод (Axelrod, 2013) относят к наемникам немецких солдат, которых Британия использовала для войны на Американском континенте. Британские же историки, в частности, Стивен Конвей (Conway, 2017), в свою очередь называют гессенцев «вспомогательными союзными войсками»

² Декларация независимости США (Перевод О.А.Жидкова). Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/indpndnc.htm> (дата обращения: 10.08.2023)

(*auxiliaries*). Стоит отметить, что с точки зрения современного международного права гессенские полки не считаются наемниками, но этот факт не помогает разрешить спор, так как еще одной иллюстрацией проблемы является ситуация с противоречивостью современного определения наемника.

Первой удачной попыткой дать юридическое определение наемникам стала статья 47 Первого Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, принятого в 1977 году. Оно было предложено Нигерией, которая незадолго до этого пережила гражданскую войну и на собственном опыте столкнулась с последствиями использования наемников. Позже данное определение было фактически повторено в Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 1989 года³. Несмотря на то, что это был значительный шаг в сфере международного права, определение с момента появления подвергалось вполне обоснованной критике за свою чрезмерную узость. По мнению некоторых экспертов, подобный урезанный вид определения объясняется осторожностью его авторов и попыткой избежать искажений и злоупотребления термина (Burmester, 1978). Однако подобное объяснение не решает проблемы, суть которой удачно выразил английский военный историк Дж. Бест: *«Каждый наемник, который не сможет избежать попадания в данное определение, заслуживает быть застреленным вместе со своим адвокатом!»* (Best, 1980).

Для данного исследования узость предложенного в конвенциях определения особенно неприемлема, так как она ограничивает возможности для исторической ретроспективы. Хотя институт наемничества и открывает обширные возможности для проведения исторических параллелей (что будет видно далее), он изменялся с течением времени. Для рассмотрения темы в контексте тысячелетий мировой истории требуется определение достаточно широкое, но при этом достаточно точное в конкретных моментах. Стоит, однако, уточнить, что цель такого определения не стигматизация тех, кто под него попадет, а операционализация исследований различных случаев использования военной силы. То есть определение в данном случае должно быть полностью лишено какой-либо эмоциональной и идеологической окраски, фокусируясь исключительно на фактической деятельности наемника. Удачную попытку создать такое определение предпринял американский историк Алан Аксельрод, взяв определение ООН, но дополнив его таким образом, чтобы охватить как можно больше соответствий исторических и современных примеров, что важно и для данного исследования. Итак, наемник в широком историческом контексте – это лицо:

³ Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml (дата обращения: 15.08.2023)

1. которое завербовано на месте или за границей для службы в какой-либо должности, включая, но не ограничиваясь, фактическим вооруженным конфликтом;
2. которое, как правило, руководствуется желанием получить личную выгоду, но которое может быть мотивировано или принуждено службой своему суверену;
3. которое может являться, а может и не являться гражданином государства, которое его вербует;
4. которое в случае вооруженного конфликта может являться, а может и не являться стороной конфликта;
5. которое не является членом национальных вооруженных сил (в случае вооруженного конфликта) стороны в конфликте;
6. которое не было направлено государством-третьей стороной для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в личный состав его вооруженных сил (Axelrod, 2013).

Дополнить определение Аксельрода следует также оговоркой, что передача военной силы на внешнее исполнение может быть произведена не только в формате контракта «работодатель-наемник». Иногда субъект, выступающий в качестве подрядчика, не ограничивается военными функциями, однако исполняет и их тоже, имея на это переданные ему полномочия (например, английская Ост-Индская торговая компания). Тем не менее причины их использования те же, что и с наемниками более привычного формата, к услугам которых вышеуказанные субъекты также часто прибегают.

Причины использования наемной военной силы во многом связаны с ее сильными сторонами, но не лишены они и отдельных известных слабостей. Автор известных военно-политических трактатов итальянец Никколо Макиавелли писал, что *«наемники честолюбивы, распущенны, склонны к раздорам, задиристы с друзьями и трусливы с врагом, вероломны и нечестивы»* (Макиавелли, 2019). В широком историческом контексте это резюме представляется утрированным. Тем не менее подтверждения сказанному можно найти во все времена, будь то переход наемной армии на сторону противника в средневековой Италии или расстрел мирного населения в Ираке сотрудниками американской ЧВК *Blackwater*. Главным недостатком наемных солдат является их слабая мотивация в том, что не касается денег, на что обращал внимание еще прусский военачальник и военный теоретик Карл фон Клаузевиц, который отводил особое значение моральным и духовным качествам солдат на войне. Наемники же, особенно иностранные, редко могут похвастаться особым патриотизмом, от чего случаются трудности с их контролем и лояльностью. История не раз демонстрировала, что наемники не могут стать полноценной заменой государственной армии: наемники Карфагена проиграли солдатам Рима, регулярная армия Нового времени полностью вытеснила наемные армии позднего Средневековья. Казалось бы, если у политического актора есть регулярные части, способные выполнять необходимые боевые задачи, в услугах наемников нет необходимости. Однако та же история знает

немало примеров, когда регулярная или призванная армия, отличаясь высокими моральными качествами и будучи хорошо обученной и вооруженной, не всегда оказывается способной решить все проблемные задачи, возникающие в конфликтах.

Во многом это связано с тем, что применение военной силы сопряжено с проблемами, которые проявляются на разных уровнях. Тот же Клаузевиц ввел понятие «трения» (Клаузевиц, 1934), под которым он понимал мелкомасштабные трудности, которые в совокупности могут повлиять на исход боевых действий. Однако помимо «трений» использование вооруженных сил характеризуется также и структурными проблемами, которые могут проявляться и сохраняться в течение длительного периода, в том числе и в мирное время. По аналогии с «трениями» их можно было бы назвать «изъянами». Если трение – это побочный эффект использования военного механизма, то изъян – это несовершенство самого механизма, его неспособность выполнять определенные функции так, как хотелось бы его пользователю.

В некоторых случаях на то, чтобы исправить изъяны своими силами, не хватает времени, иногда это представляется невозможным в принципе. Тогда столкнувшийся с проблемой субъект передает ее независимому подрядчику, то есть наемникам. В данном исследовании предлагается рассмотреть три уровня проблем, с которыми сталкивается субъект, обладающий военной силой и использующий ее: политический, организационный, исполнительский.

Изъяны на политическом уровне

Данный уровень проблем характеризуется прежде всего рисками и возможными негативными последствиями применения силы. С ними сталкивается не столько государство как субъект международной политики, сколько его руководство, конкретные лица, принимающие решения. Последствия использования военной силы для них различны, что зависит от государственного устройства, международной ситуации и общественного восприятия. Можно даже проследить некое подобие трансформации данной проблемы на примере общественной эволюции стран демократического пути развития.

С древних времен и вплоть до окончания эпохи абсолютизма правитель мог принимать решения об использовании военной силы, руководствуясь преимущественно личными соображениями и интересами, ни перед кем при этом не отчитываясь. Власть была сосредоточена в руках одного лица (максимум – группы лиц), в то время как населению, полностью изолированному от процесса принятия решений, оставалось только подчиняться – в том числе решениям, связанным с участием в войне. Это не означало, что правитель был неприкосновенен и не нес ответственности. Даже в тех случаях, когда формально его власть была практически не ограничена, каждое решение политика имело последствия как для государства в целом, так и для самого политика в частности. Особенно ощутимо эти последствия проявлялись в военной сфере. Желание правителя военизировать свое государство вело к концентрации фактической власти в руках силового аппарата,

что получило название преторианизм. Это отсылает к преторианской гвардии в Древнем Риме, которая свергала неудобных ей императоров (Mcfate, 2014). Таким образом, желание иметь больше «штыков» для удовлетворения политических амбиций несло риски того, что эти «штыки» могут повернуться против самого правителя.

Для снижения подобных рисков руководства государств прибегали к услугам наемников, которые были аполитичны или, по крайней мере, не заинтересованы в дворцовых интригах. В идеале следовало максимально изолировать наемных солдат от участия во внутренней политике. Так, знаменитым кондотьерам, которых использовали в войнах между собой итальянские города-государства Позднего Средневековья, часто было запрещено даже заходить на территорию города-нанимателя (Гарифуллина, 2015).

Более простым представлялось решение византийских императоров, которые использовали наемников в качестве телохранителей. Император Василий II (958–1025 гг.) создал так называемую Варяжскую гвардию, которая должна была охранять правителя. Состояла гвардия из наемников-скандинавов, которые, во-первых, были заинтересованы исключительно в стабильных выплатах, а во-вторых, воспринимались византийской аристократией как варвары. По обеим причинам варяги были отторгнуты из внутренней политики и дворцовых интриг, что делало их идеальными телохранителями для императора.

Наемники и сейчас используются в качестве телохранителей в странах, внутренняя политика которых до сих пор пронизана насилием и чье руководство всерьез опасается, что их жизни могут быть отняты руками соотечественников. Так, например, компания *DynCorp International* в 2002 году осуществляла персональную охрану президента Афганистана Хамида Карзая (Mcfate, 2014).

Иная ситуация сегодня складывается в странах, в которых общество и государство прошло долгий и постепенный путь развития. В большинстве экономически развитых демократических стран современности военный переворот представляется маловероятным исходом политической борьбы. Форма ответственности правителей за принятие политического решения изменилась. В ходе эволюции форм правления распределение власти в обществе становилось все более равномерным и, в конечном счете, пришло к демократии (в ее работающем варианте), когда каждый гражданин участвует в политике. Правитель в данном случае является представителем своих избирателей и несет ответственность перед ними, которая проявляется в том числе в форме прямой подотчетности парламенту. Цена ошибки в данном случае понизилась, так как политик рискует не своей головой, а карьерой, однако масштабы ответственности возросли, так как высшее руководство современного государства постоянно находится под присмотром общественности. При этом наиболее весомыми решениями по-прежнему являются решения о применении военной силы, а высокая степень ответственности не объясняется преторианством.

Изменения в общественном восприятии произошли по отношению к распределению власти и статусу правителя, а также к самой войне (Chekov, 2019). Исследователь из НИУ ВШЭ А.Д. Куманьков отмечает проявившуюся после Второй мировой войны тенденцию к потере войной своей легитимности. Обязанность граждан вставать с оружием на защиту интересов своего государства, как часть общественного договора, была пересмотрена и перестала приниматься также беспрекословно, как это было раньше (Куманьков, 2019). Эта тенденция привела к тому, что Э. Люттвак назвал «*постгероической эпохой*». По его мнению, снижение уровня рождаемости в государствах Европы и Америки привело к изменению в восприятии смерти. Вследствие этого общество выступает против начала военных действий без объективной причины из-за страха людских потерь (Люттвак, 2022). Здесь можно вспомнить введенное Б. Бузаном и О. Уэвером понятие «*секьюритизации*» как процесса убеждения населения в необходимости применения силы. Очевидно, что подобное явление характерно для более развитого общества, в котором понимание смерти подобно описанному Люттваком. Если военная операция все же была начата, то ее поддержка среди населения будет зависеть от количества потерь. Таким образом, в современном обществе правитель сталкивается с двумя изъянами военной машины на политическом уровне: он не может использовать вооруженные силы без веской причины, восприятие которой разделялось бы обществом, и ограничен в решительных действиях, так как вынужден стремиться к минимизации потерь.

Решением подобной дилеммы вновь может стать привлечение наемников. Во-первых, их использование часто не требует от исполнительной власти отчета перед законодательной. Так, например, в США использование администрацией президента частных подрядчиков для реализации силовых операций предоставляет возможность правдоподобного отрицания (*plausible deniability*) своей ответственности перед Конгрессом, так как наемники не являются частью американского государственного аппарата, а часто и самими гражданами США (Voß, 2015). Как будет рассмотрено ниже, наемники не всегда используются напрямую в боевых действиях, и данный случай в некоторых его проявлениях также не является исключением. Так, например, Государственный департамент США обеспечивал финансирование частных военных подрядчиков *DynCorp International* и *Bancroft Global Development*, которые подготавливали африканские военные контингенты для борьбы с группировкой Аль-Шабааб. Эта стратегия позволяет США вести войну с терроризмом в Африке без прямого участия, но с сохранением при этом возможности «правдоподобного отрицания» в случае неудачи, дабы, по словам помощника госсекретаря по делам Африки Джонни Карсона, «*не оставлять на земле американский след*» (Mcfate, 2014).

Если вооруженные силы государства получается использовать, например, в так называемой справедливой войне, то актуальным все еще остается вопрос о потерях. Большие потери среди солдат кардинально увеличивают

общественную усталость от войны. Тем не менее статистика показывает, что общественность гораздо спокойнее реагирует на гибель наемника, чем на потерю солдата регулярной армии (Mcfate, 2014).

Использование наемников на самых опасных участках страхует правительство от реакции населения на чрезмерные потери и частично решает проблему усталости общества от войны. Особенно это становится актуальным, когда конфликт затягивается. Хорошими примерами здесь могут стать участие США в конфликтах в Афганистане и Ираке. По мере затягивания боевых действий американское общество, изначально высказывавшее поддержку властей в проведении операции, все больше сомневалось касательно оправданности использования военной силы. В 2001 году операцию в Афганистане поддерживало от 85 до 90% американцев, тогда как в 2010 это число понизилось до 53–57%⁴. Еще сложнее дело обстоит с Ираком: в 2003 году 71% американцев считал вторжение оправданным, в 2010 году этот показатель снизился до 43%⁵. Способом успокоить общественное мнение было снижение жертв среди американских военных – бремя войны постепенно перекладывали на плечи наемников. Так, в 2003 году на обоих театрах военных действий среди погибших только 4% были из частного сектора, но с 2004 по 2007 гг. этот процент увеличился до 27%, а в 2010 – уже более 53% (Mcfate, 2014).

Таким образом, в разных эпохах на протяжении мировой истории наемники использовались для хеджирования политических рисков. Главным их достоинством в данном случае стала отдаленность от внутренней политики государства. Наемники, как правило, не заинтересованы во внутривнутриполитических интригах, их официальная непринадлежность к вооруженным силам позволяет отрицать причастность государства к неудачным силовым акциям, а потери в рядах «солдат удачи» остаются практически незамеченными со стороны населения. Все это делает ЧВК удобным инструментом смягчения политических рисков как в пронизанных насилием обществах прошлого, так и в отвергающих насилие обществах современности.

Изъяны в организации

Известно, что война не есть совокупность славных сражений. Прежде чем войска противников переходят к непосредственным боевым столкновениям, предстоит довольно сложный этап подготовки: организация, снабжение, логистика. Это еще один уровень, на котором могут проявиться изъяны использования военной силы.

⁴ Bowman K. The War In Afghanistan: A Polling Post-Mortem (2021) *Forbes*. Available at: <https://www.forbes.com/sites/bowmanmarsico/2021/07/08/the-war-in-afghanistan-a-polling-post-mortem/?sh=45ac20876214> (accessed 25 July 2023).

⁵ Doherty C., Kiley J. A Look Back at How Fear and False Beliefs Bolstered U.S. Public Support for War in Iraq (2023) *Pew Research Center*. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2023/03/14/a-look-back-at-how-fear-and-false-beliefs-bolstered-u-s-public-support-for-war-in-iraq/> (accessed 5 August 2023).

Даже у великих держав с высоким уровнем благосостояния могут возникнуть проблемы с организацией военной деятельности. Проблема чаще всего возникает с бюрократическим аппаратом, который в силу своей ограниченной гибкости в ряде случаев оказывается не способен эффективно управлять ресурсами. Эта проблема усугубляется географическими особенностями: возможность эффективно проецировать военную силу уменьшается по мере увеличения расстояния от государственных границ. Эта тема не раз затрагивалась различными специалистами: Дж. Миршаймер, в частности, писал про *«останавливающую силу воды»*. Эта формула не универсальна, и практика демонстрирует способность некоторых государств эффективно использовать территорию своих соседей и союзников для проецирования силы. Однако далеко не всегда на предполагаемом театре военных действий есть такие союзники. Как отмечает Эдвард Люттвак, вне зависимости от того, осуществляется ли снабжение гужевым транспортом или современными самолетами, расстояние ослабляет его эффективность (Люттвак, 2022). При этом речь идет не только об ограниченной возможности перенесения новых сил, провизии и боеприпасов на театр военных действий, но и о сложности в организации данного процесса. Административный аппарат государства, проводящего силовую акцию вдали от своих границ, рано или поздно достигнет предела своих возможностей, так как поддержание подобной операции будет требовать в разы больше организационных ресурсов, чем могло бы потребоваться в случае ее проведения вблизи границ.

Решением может стать передача организации силовой операции (или ее элементов) на внешнее исполнение. Заинтересованный подрядчик берет на себя организационные расходы (причем в отличие от государства он способен полностью сосредоточиться исключительно на конкретных задачах), а также обладает возможностями, которые не всегда доступны государству, например, такой, как пополнение сил добровольцами из местного населения.

Формат аутсорсинга и выбор подрядчиков в данном случае будет зависеть от того, в какой степени государство решает передать администрирование в частные руки. История знает примеры, когда полностью управление и военная деятельность на отдаленных территориях передавалась «на аутсорс». Так, например, во время освоения Сибири Московское царство не могло позволить себе осуществлять этот процесс собственными силами, так как новые территории были расположены слишком далеко от центра. Решением стала передача права на осуществление своей деятельности богатому купеческому семейству Строгановых, которые были заинтересованы в получении прибыли при освоении новых земель. Так как Строгановы столкнулись с ожесточенным сопротивлением со стороны сибирского хана Кучума, а Москва не могла послать туда войска, они были вынуждены нанять казаков, которые ранее занимались грабежами на Дону и Волге, а на тот момент спасались от преследовавших их московских отрядов (Соловьев, 1989). Российское государство, таким образом, передало обязанности по организации военной кампании семейству Строгановых, которые в свою очередь наняли

казаков. Строгановы в этом случае выступали в качестве подрядчика, который организовывал сибирскую кампанию собственными силами, в том числе за счет привлечения наемной силы – казаков. Похожим образом действовала и Англия, передав колониальные дела Ост-Индской торговой компании, которая в свою очередь также активно использовала наемные войска.

В современном мире военные операции часто приходится вести на отдаленных территориях. Конечно, крупные державы с большим ресурсным потенциалом могут позволить себе развернуть крупные базы снабжения, однако это не всегда получается сделать эффективно, а главное, оперативно. Решения предлагают современные ЧВК, которые в качестве одного из основных своих преимуществ заявляют автономность. Они же занимаются развертыванием собственных подразделений, их оснащением и снабжением. В частности, во время слушания в Конгрессе, разбиравшего деятельность компании *Blackwater*, основатель компании Эрик Принс несколько раз подчеркивал, что персонал компании был развернут в Ираке и Афганистане полностью экипированным и снабженным, не требуя каких-либо дополнительных ресурсов со стороны американского правительства⁶. Большим преимуществом ЧВК здесь может также служить оперативность развертывания, которая играет особо важную роль, когда временной ресурс ограничен. Бюрократический аппарат государственного военного сектора часто оказывается слишком громоздким для быстрого переброса солдат и ресурсов и организации линий снабжения. Так, на развертывание армейских подразделений у правительства США уходит от 6 месяцев и более, в то время как частный подрядчик может сделать это за несколько недель. Осознавая данное преимущество, современные ЧВК часто делают акцент на своем т.н. потенциале быстрого развертывания (*surge capacity*).

Государство может иметь достаточно времени для того, чтобы развернуть армию и создать центры снабжения, но на поддержание работы системы снабжения все еще будет уходить множество ресурсов, в первую очередь людских. В балансе двух основных составляющих современной армии: «хвоста» (поддержка, логистика, охрана и персонал, не связанный с непосредственным участием в военных операциях) и «зубов» (солдаты, участвующие в боевых действиях) – первый значительно превосходит второй по численности. Так, во время войны в Персидском заливе (операция «Буря в пустыне») солдаты, задействованные в сражении, составляли всего 30% сил, в то время как 42% контингента занимались логистикой и 28% приходилось на административный персонал (Axelrod, 2013).

Таким образом, для ведения боевых действий вдали от своей территории государству необходимо отправить контингент, в три раза превышающий число солдат, которые будут непосредственно участвовать в боевых

⁶ Hearing before the Committee on Oversight and Government reform. 2 October 2007. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-110hhrg45219/pdf/CHRG-110hhrg45219.pdf> (accessed 19 July 2023).

действиях с неприятелем. Такое количество может быть неприемлемо с точки зрения общественности или органов, которым подотчетны лица, принимающие решения о размещении войск. В таком случае даже если для непосредственного участия в сражении планируется использовать исключительно государственную армию, бремя организации снабжения и тыловые задачи (охрана и т.п.) можно отдать на внешнее исполнение. Таким образом, наемники становятся не заменой армии на театре военных действий, а дополнением к ней. В данном случае, как правило, речь идет об использовании множества подрядчиков, каждый из которых выполняет конкретные задачи. Первым крупным контрактом известной компании *Blackwater* была охрана сотрудников ЦРУ, создававших разведывательную сеть в Афганистане после вторжения туда США (Коновалов, Валецкий, 2013). В том же Афганистане компания *KBR* занималась обеспечением всех американских баз в течение множества лет (Коновалов, Валецкий, 2013). Всего в Афганистане с 2001 по 2007 гг. работали от 60 до 140 ЧВК (Armendàriz, 2013). Использование наемников таким образом позволило значительно сократить количество национальных вооруженных сил. В 2017 году в Афганистане было 9800 солдат США и 26000 наемников⁷ (больше 72%).

Наемники используются не только в качестве дополнения или альтернативы национальных вооруженных сил. В некоторых случаях государство может столкнуться с ситуацией, когда национальной армии не существует, в то время как потребность в выполнении ее функций есть. Для создания армии «с нуля» необходимы не только финансовые и мобилизационные ресурсы, но и профессиональные организаторы и военные, которые способны организовать центры подготовки солдат и офицерского корпуса. При этом невозможно обойтись без опытных военных, заменив их на гражданских лиц или тренажеры. Как отмечает бывший военный подрядчик, военно-политический исследователь Шон Макфейт, только *«пехотинец может тренировать другого пехотинца»*, так как важнее в данном случае не столько передача знаний, сколько передача опыта (Mcfate, 2014). Крупные военные корпорации таким образом могут предложить не только услуги по предоставлению готовой частной армии, но и возможность создания новой на месте.

Данная практика не является чем-то совершенно новым. Во время Тридцатилетней войны, когда ресурсы воевавших сторон уже были истощены, генерал Альбрехт фон Валленштейн создал на скупленных им землях Богемии настоящую фабрику по формированию и обеспечению войск. После этого Валленштейн предложил императору Фердинанду II создать и снабжать армию в 50 тысяч человек, из императорской казны потребовалось только жалование (Веджвуд, 2012). В благодарность император наделил Валленштейна

⁷ Gould S., Brown D. Here's how many US troops and private contractors have been sent to Afghanistan (2017) *Insider*. Available at: <https://www.businessinsider.com/this-is-how-many-private-contractors-and-us-troops-are-in-afghanistan-2017-8> (accessed 31 July 2023).

титулами, и тот на момент своей гибели сделался одним из самых влиятельных людей империи. В наше время наемники используются для создания более современных армий в странах Африки или для их реорганизации. Так, компании *DynCorp International* и *Pacific Architects and Engineers (PA&E)*, финансируемые правительством Соединенных Штатов, занимались созданием армии в Либерии после гражданской войны в этой стране. При этом компании были заинтересованы в этом гораздо больше самих Соединенных Штатов и, как следствие, не только стремились к наибольшей эффективности, но и активно взаимодействовали с правительством Либерии. Все это позволило в достаточно короткие сроки создать в Либерии современные вооруженные силы (Mcfate, 2014).

Но потребность в организации и постоянном снабжении войск во время военных кампаний зачастую бывает затруднена по причине дефицита ресурсов или ограниченной гибкости административного аппарата. Расстояние способно значительно усугубить данный изъян военной организации. Проблема может принимать разные формы, поэтому формат использования наемников в данном случае разнится. На внешнее исполнение передавался контроль над целыми регионами, частных подрядчиков использовали для поддержки армии в тылу, для быстрого развертывания готовых сил или даже для создания армии с нуля. Как видно по рассмотренным двум уровням, проблемы, для решения которых прибегают к услугам частных военных компаний, могут быть разнообразны, однако нередко наемники используются как более эффективный инструмент решения боевой задачи.

Изъяны в исполнении

Данная группа проблем представляется наиболее простой для рассмотрения, но при этом она самая обширная и разноплановая. Даже хорошо спланированная и грамотно организованная военная операция по разным причинам может столкнуться с серьезными проблемами на этапе исполнения. Среди таких причин могут быть отсутствие необходимых навыков и банальная нехватка численности состава. В таком случае приходится искать необходимый ресурс на стороне.

К примеру, Филипп II Македонский создал из граждан профессиональную армию, которая представляла собой пехоту с длинными копьями и щитами и показала свою эффективность во времена завоеваний его сына Александра. Но, понимая характер сражений, которые этой армии приходилось вести, практичный царь дополнил ее наемными лучниками и кавалерией, так как собственных у македонцев не было (Axelrod, 2013).

В средневековые армии также нанимали отряды наемников, обладающих конкретными боевыми навыками. Самым известным примером могут служить генуэзские арбалетчики, которых использовали во многих армиях средневековой Европы. Арбалет был на тот момент чрезвычайно эффективной технической новинкой, и те, кто мог им эффективно пользоваться, были удачным пополнением для войска с точки зрения решения боевых задач. Несмотря на то,

что Папа Иннокентий II назвал арбалет «адским оружием, неприличным для христиан», генуэзские и другие наемные отряды арбалетчиков пользовались большой популярностью среди военачальников Европы⁸.

Наемники также могут выступать дорогостоящим, но эффективным дополнением к войску, которое в принципе плохо справляется с боевыми задачами. Так, накануне Смоленской войны московское войско, ослабленное после Смутного времени и не способное вести современную европейскую войну в XVII веке, начало доукомплектовываться иностранными наемниками, которые назывались «полками иноземного строя». Справедливости ради, в итоге руководство страны пришло к выводу, что проблема на тот момент состояла в большей степени в организации, чем в исполнении, и иностранных наемников оставили на позиции инструкторов (Коротков, 2020).

Даже если армия обладала необходимыми умениями, во время длительной кампании она могла быть сильно истощена. Примером может служить войско шведского короля Густава II Адольфа во времена Тридцатилетней войны. По сравнению с армиями других правителей Европы, полностью состоявших из наемников, его армия была преимущественно сформирована из шведов, что делало ее немногочисленной, но крайне эффективной, особенно в плане верности и боевого духа. Тем не менее, с течением войны и продвижением короля вглубь Европы ему все чаще приходилось прибегать к услугам местных наемников для пополнения своих сил. В ноябре 1632 года из 150-тысячной армии шведами были только 8 тысяч (Brzezinski).

В конфликтах XX века довольно широко распространилась практика использования одной из сторон внутреннего или международного конфликта добровольцев из других стран: гражданская война в Испании, участие польских и чехословацких летчиков в Битве за Британию, многочисленные войны в Африке в период холодной войны. Несмотря на то, что в данном случае наиболее актуальным становится спор «доброволец-наемник», сложно отрицать, что некоторые из участников тех событий получали за свою деятельность не только идейно-моральное удовлетворение. Например, «Летающие тигры» – американские летчики, которые помогали Китаю сражаться против Японии, получали по 600 долларов США в месяц (Ford, 2007). При этом в рассматриваемом контексте важно, что «тигры» использовались для поддержки китайской авиации, которая показала себя неспособной противостоять японской – еще один пример дополнения регулярной армии наемниками для повышения ее эффективности.

Для военной машины особенно важной является способность адаптироваться к изменениям, в том числе технологическим. При этом в военной сфере, как и во многих других, часто бывает так, что частный сектор более оперативно реагирует на инновации, чем государственный. Как в средневековые

⁸ Rosselli A. I balestrieri della Repubblica di Genova alla battaglia di Crecy (2007) Available at: <https://web.archive.org/web/20070901163022/http://www.albertorosselli.it/articoli/ibalestieri.html> (accessed 8 August 2023).

наемники первыми освоили обращение с арбалетом (а затем и с пикой, чем прославились швейцарские наемники), так и сейчас частные корпорации быстро – зачастую быстрее государств – внедряют современные технологии. Так как гонка вооружений во все времена являлась неотъемлемой частью военного противостояния, субъекты политики всегда были заинтересованы в скорейшем внедрении инноваций, и если сами не могли быстро адаптироваться, то привлекали помощь со стороны.

В наши дни это становится особенно актуальным, так как технический прогресс развивается стремительными темпами, а война теперь может вестись на многих направлениях и во многих пространствах (Suchkov, 2021), включая киберпространство. Конечно, это не похоже на регулярный конфликт, однако если принимать существующий термин «кибервойна» всерьез, то можно представить, как атакующих (хакеров), так и обороняющихся (специалисты в области компьютерной безопасности) как комбатантов.

На этом «поле боя» уже давно доминирует частный сектор, во многом из-за своей большей гибкости и способности быстро внедрять инновации. Так, например, компания *CACI International Inc.* еще с 1962 года занимается подготовкой программного обеспечения для силовых ведомств. В том числе создает программы для разведки и предоставляет министерству обороны США защиту от кибератак (Axelrod, 2013). Можно сказать, что данная компания одна из тех, что находится на острие кибервойны. При этом стоит заметить, что частный сектор начал свою деятельность на самой заре компьютерной эпохи, в то время как государственное агентство по кибербезопасности было создано только в 2018 году⁹. Государства также используют частных лиц для организации кибератак, хотя проблема с атрибуцией препятствует приведению конкретных примеров таких наемников (Borgeaud dit Avocat, Haxhixhemajli, Andruch, 2021). Можно сказать, что сейчас в киберпространстве война ведется по правилам XVI века, то есть руками частных групп. Таким образом, наемники, подготовленные и обладающие необходимыми навыками, позволяют быстрее реагировать на новые вызовы безопасности или пользоваться новыми технологиями для нападения, пока у нанимателя нет времени или возможности организовать собственные силы, используя инновации.

Главной причиной использования наемников для борьбы с проблемами на исполнительном уровне являются их профессиональные и боевые качества. Тем не менее, как отмечалось выше, проблемы с лояльностью и подконтрольностью делают из наемников плохую альтернативу всей государственной армии, что в большинстве случаев ограничивает их использование конкретными целями.

⁹ Waitt T. Trump Creates CISA, Official Federal Cybersecurity Agency (2018) *American security today*. Available at: <https://americansecuritytoday.com/trump-creates-cisa-official-federal-cybersecurity-agency-multi-video/> (accessed 21 August 2023).

Заключение

Несмотря на то, что в определенные моменты некоторые субъекты мировой политики пытались передать военную силу «на аутсорс» полностью, в масштабах мировой истории эти случаи представляются скорее исключением, чем правилом. В основном и в прошлом, и в настоящем наемники используются как сторонняя сила, способная исправить изъяны в военной машине. С проблемами, касающимися применения силы, лицо, принимающее решение, может столкнуться на трех основных уровнях: политическом, организационном и исполнительном. Формы использования частной военной силы и ее функции могут сильно отличаться внутри этих категорий. Тем не менее приведенные исторические аналогии демонстрируют, что в целом отношения института наемничества и исполнительной власти не сильно изменились, а от обстановки внутри государств, технического прогресса и особенностей мирового порядка зависят скорее более конкретные формы их проявлений.

Список литературы

1. Веджвуд С.В. (2012) *Тридцатилетняя война*. М.: АСТ: Астрель: Полиграф-издат.
2. Гарифуллина А.В. (2015) Институт итальянских кондотьеров в геополитической обстановке эпохи возрождения. Династия Малатеста. *Материалы Международной научной конференции Божественный и обывденный образ Италии глазами филолога-романиста (история, культура, язык)* (ред. Н.Б. Попова) Челябинск, 3 августа 2015 года, с. 102–111. Челябинск: Челябинский государственный университет.
3. Клаузевиц К. (1934) *О войне*. М.: Госвоениздат.
4. Коновалов И.П., Валецкий О.В. (2013) *Эволюция частных военных компаний*. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры.
5. Коротков В.О. (2020) Полки «Иноземного строя» и их командиры после государственного похода 1655 г. *Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки* 1: 127–133. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-127-133.
6. Куманьков А.Д. (2019) *Война, или В плену насилия*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
7. Курылев К.П., Мартыненко Е.В., Пархитко Н.П., Станис Д.В. (2017) Феномен частных военных компаний в военно-силовой политике государств в XXI в. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика* 4: 130–148. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-04-130.
8. Люттвак Э. (2022) *Стратегия: логика войны и мира*. М: Издательство АСТ.
9. Макиавелли Н. (2019) *Государь*. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус.
10. Соловьев С.М. (1989) *Сочинения. Книга III. История России с древнейших времен*. Тома 5–6. М: Издательство «Мысль».
11. Armendàriz L. (2013) *Corporate Private Armies in Afghanistan. Regulating Private Military and Security Companies [PMSCs] in a Territorial State*. Barcelona: NOVACT.
12. Axelrod A. (2013) *Mercenaries. A Guide to Private Armies and Private Military Companies*. Thousand Oaks: CQ Press.
13. Best G. (1980) *Humanity in Warfare*. New York: Columbia University Press.
14. Borgeaud dit Avocat A., Haxhixhemajli A., Andruch M. (2021) *New Technologies, Future Conflicts, and Arms Control*. Prague: Center for Security Analyses and Prevention.
15. Brayton S. (2002) Outsourcing War: Mercenaries and the Privatization of Peacekeeping. *Journal of International Affairs* 55 (2): 303–329.

16. Brzezinski R. (1993) *The Army of Gustavus Adolphus (2): Cavalry*. London: Osprey Publishing.
17. Burmester H.C. (1978) The Recruitment and Use of Mercenaries in Armed Conflicts. *The American Journal of International Law* 72 (1): 37–56. DOI: 10.2307/2199702.
18. Chekov A.D., Makarycheva A.V., Solomentseva A.M., Suchkov M.A., Sushentsov A.A. (2019) War of the Future: A View from Russia. *Survival* 61 (6): 25–48. DOI: 10.1080/00396338.2019.1688563.
19. Conway S. (2017) *Britannia's Auxiliaries: Continental Europeans and the British Empire, 1740–1800*. Oxford: Oxford University Press.
20. Ford D. (2007) *Flying Tigers: Claire Chennault and His American Volunteers, 1941–1942*. New York: Harper.
21. Ingrao Ch.W. (2003) *The Hessian mercenary state: ideas, institutions, and reform under Frederick II, 1760–1785*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Mcfate S. (2014) *The Modern Mercenary. Private Armies and What They Mean for World Order*. Oxford: Oxford Un. Press.
23. Østensen Å.G., Bukkvoll T. (2022) Private military companies – Russian great power politics on the cheap? *Small Wars & Insurgencies* 33 (1–2): 130–151. DOI: 10.1080/09592318.2021.1984709.
24. Petersohn U. (2011) Military Privatisation: Changing the Military–Civil Force Mix. *European Political Science* 10(2): 146–156. DOI:10.1057/eps.2011.3.
25. Singer P.W. (2003) *Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry*. Ithaca: Cornell University Press.
26. Suchkov M.A. (2021) Whose Hybrid Warfare? How 'The Hybrid Warfare' Concept Shapes Russian Discourse, Military, and Political Practice. *Small Wars & Insurgencies* 32 (3): 415–440. DOI: 10.1080/09592318.2021.1887434.
27. Voß K. (2015) Plausibly deniable: mercenaries in US covert interventions during the Cold War, 1964–1987. *Cold War History* 16 (1): 1–24. DOI: 10.1080/14682745.2015.1078312.

Comparative Politics. Volume 14. No. 1–2. January – June / 2023
DOI 10.46272/2221-3279-2023-1-2-14-164-182

INSTITUTE OF MERCENARY IN CONFLICT: HISTORICAL EXPERIENCE AND MODERNITY

Maxim A. KUCHEROV – analyst, Center for Advanced American Studies, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0009-0008-3373-1682 E-mail: kucherov_m_a@my.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Abstract: In recent years, the popularity of the word mercenary and the acronym PMCs (private military company) has increased in scientific and public discourses, which a number of experts associate with the changing world order. The article seeks to identify the reasons for the use of mercenary military force by international actors. The author proceeds from the fact that the fundamental reasons of the mercenary–customer partnership, remain unchanged and are not subject to changes occurring both within States and in the international system. These reasons originate from the imperfections of the military apparatus, which are referred to in the article as “flaws”. The author identifies 3 levels of flaws: political, organizational and executive. The political level represents the risks associated with the use of military force for the decision-maker. Hired military force is used to hedge such risks. Problems of the organizational level can be seen in various features of the preparation of a military operation and are often associated with

the limitations or slowness of the bureaucratic apparatus. The advantage of a private contractor is greater flexibility. Executive-level problems stem from the inefficiency of the armed forces in carrying out specific combat tasks. Mercenaries often have unique skills and embrace innovations faster than the public sector. Despite the fact that more specific reasons for the use of mercenary military force may depend on the characteristics of the historical period and the political system, the three-level classification of flaws is applicable both over the entire time period and in the vast majority of spheres, including cyberspace.

Keywords: mercenary, PMC, private military contractor, political risk hedging, supply, flaws in the military mechanism, regular army, outsourcing

References

1. Armendàriz L. (2013) *Corporate Private Armies in Afghanistan. Regulating Private Military and Security Companies [PMSCs] in a Territorial State*. Barcelona: NOVACT.
2. Axelrod A. (2013) *Mercenaries. A Guide to Private Armies and Private Military Companies*. Thousand Oaks: CQ Press.
3. Best G. (1980) *Humanity in Warfare*. New York: Columbia University Press.
4. Borgeaud dit Avocat A., Haxhixhemajli A., Andruch M. (2021) *New Technologies, Future Conflicts, and Arms Control*. Prague: Center for Security Analyses and Prevention.
5. Brayton S. (2002) Outsourcing War: Mercenaries and the Privatization of Peacekeeping. *Journal of International Affairs* 55 (2): 303–329.
6. Brzezinski R. (1993) *The Army of Gustavus Adolphus (2): Cavalry*. London: Osprey Publishing.
7. Burmester H.C. (1978) The Recruitment and Use of Mercenaries in Armed Conflicts. *The American Journal of International Law* 72 (1): 37–56. DOI: 10.2307/2199702.
8. Chekov A.D., Makarycheva A.V., Solomentseva A.M., Suchkov M.A., Sushentsov A.A. (2019) War of the Future: A View from Russia. *Survival* 61 (6): 25–48. DOI: 10.1080/00396338.2019.1688563.
9. Clausewitz K. (1934) *O voyne* [About War]. Moscow: Gosvoenizdat. (In Russian).
10. Conway S. (2017) *Britannia's Auxiliaries: Continental Europeans and the British Empire, 1740–1800*. Oxford: Oxford University Press.
11. Ford D. (2007) *Flying Tigers: Claire Chennault and His American Volunteers, 1941–1942*. New York: Harper.
12. Garifullina A.V. (2015) Institut ital'yanskikh kondot'yerov v geopoliticheskoy obstanovke epokhi vozrozhdeniya. Dinastiya Malatesta [The Institute of Italian Condottieri in the Geopolitical Setting of the Renaissance. Malatesta Dynasty]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Bozhestvennyy i obydenyy obraz Italii glazami filologa-romanista (istoriya, kul'tura, yazyk)* [Proceedings of the International Scientific Conference Divine and everyday image of Italy through the eyes of a philologist–novelist (history, culture, language)] (ed. N.B. Popov) Chelyabinsk, August 3, 2015, p. 102–111. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. (In Russian).
13. Ingrao Ch.W. (2003) *The Hessian mercenary state: ideas, institutions, and reform under Frederick II, 1760–1785*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Konovalov I.P., Valetsky O.V. (2013) *Evolutsiya chastnykh voyennykh kompaniy* [The evolution of private military companies]. Pushkino: Center for Strategic Conjuncture. (In Russian).
15. Korotkov V.O. (2020) Polki «Inozemnogo stroya» i ikh komandiry posle gosudareva pokhoda 1655 g. [Regiments of the “Foreign Order” and their commanders after the sovereign's campaign of 1655]. *Vestnik MGOU. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow State Educational Institution. Series: History and Political Science] 1: 127–133. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-127-133. (In Russian).
16. Kumankov A.D. (2019) *Voyna, ili V plenu nasiliya* [War, or Captured by Violence]. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. (In Russian).

17. Kurylev K.P., Martynenko E.V., Parkhitko N.P., Stanis D.V. (2017) Fenomen chastnykh voyennykh kompaniy v voyenno-silovoy politike gosudarstv v XXI v. [The phenomenon of private military companies in the military power policy of states in the 21st century]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika* [Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy] 4: 130–148. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-04-130. (In Russian).
18. Luttwak E. (2022) *Strategiya: logika voyny i mira* [Strategy: the logic of war and peace]. M: AST Publishing House. (In Russian).
19. Machiavelli N. (2019) *Gosudar'* [The Prince]. St. Petersburg: ABC, ABC-Atticus.
20. Mcfate S. (2014) *The Modern Mercenary. Private Armies and What They Mean for World Order*. Oxford: Oxford Un. Press. (In Russian).
21. Østensen Å.G., Bukkvoll T. (2022) Private military companies – Russian great power politics on the cheap? *Small Wars & Insurgencies* 33 (1–2): 130–151. DOI: 10.1080/09592318.2021.1984709.
22. Petersohn U. (2011) Military Privatisation: Changing the Military–Civil Force Mix. *European Political Science* 10(2): 146–156. DOI: 10.1057/eps.2011.3.
23. Singer P.W. (2003) *Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry*. Ithaca: Cornell University Press.
24. Soloviev S.M. (1989) *Cochineniya. Kniga III. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. Toma 5–6* [Essays. Book III. History of Russia from ancient times. Volumes 5–6]. M: Publishing house «Mysl». (In Russian).
25. Suchkov M.A. (2021) Whose Hybrid Warfare? How 'The Hybrid Warfare' Concept Shapes Russian Discourse, Military, and Political Practice. *Small Wars & Insurgencies* 32 (3): 415–440. DOI: 10.1080/09592318.2021.1887434.
26. Voß K. (2015) Plausibly deniable: mercenaries in US covert interventions during the Cold War, 1964–1987. *Cold War History* 16 (1): 1–24. DOI: 10.1080/14682745.2015.1078312.
27. Wedgwood S.V. (2012) *Tridtsatiletnyaya voyna* [Thirty Years' War]. Moscw: AST: Astrel: Polygraph-publishing. (In Russian).